Многоуважаемому Льву Владимировичу Щербе
от А. Шахматова

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1914.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences).

А. А. Шахматовъ.

ФИЛИППЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ФОРТУНАТОВЪ.

НЕКРОЛОГЪ.

(Съ портретомъ).

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин. № 12.
1914.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
457
54



Фототипія В. Кадинъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.
Проект. Н. Каменицкій.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1914.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences).

Филиппъ Ѳедоровичъ Фортунатовъ.

Некрологъ.

(Читанъ въ засѣданіи Общаго Собранія 4 октября 1914 г. академикомъ **А. А. Шахматовымъ**).

20 сентября скончался нашъ сочленъ, академикъ Филиппъ Ѳедоровичъ Фортунатовъ. Отдѣленіе Русскаго языка и словесности, такъ же какъ тѣсный кругъ друзей, почитателей и учениковъ покойнаго ученаго видятъ въ постигшей ихъ горестной утратѣ невознаградимую потерю для русской науки, русскаго языкознанія, въ частности для науки о русскомъ языкѣ. Изъ жизни ушла большая научная сила, и скажу съ прискорбіемъ, сила далеко не использованная. Ни ученики Филиппа Ѳедоровича Фортунатова, ни тѣмъ болѣе широкіе круги русскихъ ученыхъ не получили въ свое распоряженіе всѣхъ тѣхъ знаній и ученыхъ комбинацій, которыми обладалъ покойный академикъ: онъ напечаталъ лишь ничтожную долю того, что могъ бы подарить наукѣ, и оставилъ сравнительно небольшое научное наслѣдіе въ рукописяхъ, точнѣе въ литографированныхъ изданіяхъ его лекцій, читанныхъ въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и бережно выпускавшихся, къ счастію, подъ его надзоромъ и редакціей, его прилежными слушателями. И тѣмъ не менѣе не только русская лингвистическая семья, но и иностранцы признали Фортунатова геніальнымъ ученымъ, какъ опредѣленно выражено въ полученной на дняхъ Академіей Наукъ сочувственной телеграммѣ Финно-угорскаго общества. Объ этой геніальности Фортунатова могутъ свидѣтельствовать тѣ немногочисленные труды, которые напечатаны при его жизни, о ней скажутъ его лекціи, когда появятся въ свѣтъ, но громче всего могутъ о ней заявить всѣ тѣ, кто были счастливы въ устныхъ бесѣдахъ съ Фортунатовымъ обсуждать сложные вопросы, относящіеся къ разнообразнымъ отраслямъ научнаго языковѣдѣнія. Въ трудахъ Фортунатова насъ поражаетъ глубокій, проникновенный анализъ: изучаемымъ имъ явленіямъ давалось столь яркое освѣщеніе, что оно своею силой озаряло и всѣ смежныя области, вызывая стройныя научныя представленія о цѣлыхъ группахъ сосѣднихъ явленій. Въ этомъ удивительномъ умѣніи отвлечься и сосредоточить все вниманіе на изслѣдуемомъ явленіи

выступала та сила научнаго мышленія Фортунатова, которая позволяла лицамъ, слѣдившимъ за его трудами, за его научными изслѣдованіями, опредѣлять его высокое значеніе, какъ ученаго. Фортунатовъ не созидалъ искусственныхъ стройныхъ системъ: быть можетъ, это окажется причиной того, что добытые имъ научные результаты на первый взглядъ представятся недостаточно значительными. Съ увѣренностью можно, однако, сказать, что указанный пріемъ научной дѣятельности Фортунатова обезпечивалъ ему всегда полную свободу въ его научныхъ построеніяхъ; сосредоточивая вниманіе на отдѣльныхъ явленіяхъ, онъ безъ труда, при анализѣ ихъ, возвращался къ пересмотру прежнихъ своихъ положеній, не стѣсняемый произвольно придуманными связями ихъ съ другими явленіями и чуждый какой бы то ни было схемы, сковывающей свободу сужденій. Выпукло выступало въ его представленіи каждое отдѣльное явленіе; оно подвергалось его изслѣдованію и анализу, и въ результатѣ ему удавалось достигнуть истиннаго его освѣщенія.

Скудный перечень печатныхъ трудовъ Фортунатова, приложенный къ настоящей запискѣ, въ очень слабой степени даетъ представленіе о научныхъ трудахъ покойнаго нашего сочлена. Кромѣ магистерской диссертаціи, посвященной изслѣдованію одного изъ сборниковъ ведійскихъ гимновъ и священныхъ изреченій, а также нѣкоторыхъ сложныхъ явленій сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, мы найдемъ въ этомъ перечнѣ рядъ журнальныхъ статей и незначительныхъ по объему монографій. Гораздо ярче опредѣлится дѣятельность Фортунатова, когда будутъ изданы упомянутыя выше его лекціи. Уступая убѣжденіямъ своихъ учениковъ, онъ дважды приступалъ къ печатанію своихъ курсовъ, а именно, въ первый разъ въ 1888 году, когда онъ согласился печатать свои лекціи по старославянскому языку. Изданіе остановилось на 16-мъ листѣ и, вѣроятно, погибло въ складахъ Московской университетской типографіи. Между тѣмъ за границей готовился уже переводъ этого курса; о скоромъ появленіи перевода было возвѣщено въ нѣмецкихъ лингвистическихъ журналахъ; за переводъ взялся Эр. Бернекеръ, теперь профессоръ Мюнхенскаго университета и авторъ великолѣпнаго труда, пока еще не оконченнаго, Slavisches etymologisches Wörterbuch. Вторично Фортунатовъ взялся за печатаніе лекцій уже здѣсь, въ Петроградѣ, когда онъ переѣхалъ сюда послѣ избранія его штатнымъ членомъ Академіи Наукъ. Изданіе «Краткаго очерка фонетики индо-европейскихъ языковъ» началось въ 1903 году, но въ 1905 году оно прервалось на 12-мъ листѣ; причиной перерыва было невозвращеніе авторомъ корректурныхъ гранокъ, а не возвращалъ ихъ Фор-

тунатовъ потому, что, работая надъ ихъ исправленіемъ, онъ измѣнилъ свой взглядъ на нѣкоторыя изъ изслѣдуемыхъ явленій и углубился въ новыя по поводу нихъ изысканія. Такимъ образомъ этотъ тщательно составленный и всесторонне продуманный трудъ остается до сихъ поръ не изданнымъ. Кромѣ лекцій по старо-славянскому языку, Фортунатовъ, занимавшій въ Москвѣ каѳедру сравнительнаго языковѣдѣнія, читалъ основной курсъ по сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ. Курсъ этотъ распадался на нѣсколько отдѣловъ; чтенію каждаго изъ нихъ посвящался учебный годъ; отдѣлы эти обнимали, во-первыхъ, общій курсъ, гдѣ сообщались между прочимъ теоретическіе взгляды Фортунатова на сущность языковыхъ явленій, при чемъ, не замыкаясь въ изученіе однихъ фонетическихъ и морфологическихъ фактовъ, онъ удѣлялъ много вниманія и вопросамъ семасіологіи и синтаксиса; во-вторыхъ, спеціальные курсы по фонетикѣ, склоненію и спряженію индо-европейскихъ языковъ. Отъ времени до времени Фортунатовъ преподавалъ и готскій языкъ и литовскій. Всѣ названные курсы, не исключая и курса готскаго языка, имѣются частью въ литографированномъ видѣ, частью въ запискахъ. Для опредѣленія научнаго значенія этихъ лекцій достаточно сказать, что едва ли въ какой-либо частности, развѣ только въ сообщенной въ общемъ курсѣ классификаціи языковъ, Фортунатовъ повторилъ чужое мнѣніе, изложилъ ходячій взглядъ, удовлетворился передачей господствующаго воззрѣнія; отъ начала до конца эти лекціи представляются результатомъ самобытнаго творчества. Въ нихъ все самостоятельно, все глубоко продумано заново, все сравнительно съ современной имъ нѣмецкой лингвистикой свѣжо и оригинально. Понятно, почему представители нѣмецкой науки ждали съ нетерпѣніемъ появленія въ свѣтъ этихъ лекцій. Правда, о Фортунатовѣ они знали немного, знакомясь съ небольшими его статьями, появлявшимися большею частью стараніями его учениковъ-иностранцевъ въ нѣмецкихъ лингвистическихъ журналахъ; но гораздо больше доходило до нихъ свѣдѣній о взглядахъ и гипотезахъ Фортунатова изъ писаній его учениковъ и послѣдователей, ссылавшихся на его лекціи, цитировавшихъ устныя его сообщенія, черпавшихъ отъ него мысли и объясненія, которыя въ глазахъ спеціалистовъ представлялись своего рода откровеніями. Ученики Фортунатова убѣждены въ томъ, что онъ шелъ впереди нѣмецкой лингвистики, и думаютъ, что появленіе его лекцій въ свѣтъ теперь, черезъ 15—20 лѣтъ послѣ ихъ прочтенія, внесетъ въ изслѣдованіе индо-европейской фонетики и вообще въ сравнительное языкознаніе новое и неожиданное освѣщеніе.

Осторожный и въ высшей степени добросовѣстный изслѣдователь,

Фортунатовъ не спѣшилъ вообще съ обнародованіемъ результатовъ своей научной работы. Онъ страстно искалъ научную истину, напряженно, иногда мучительно работалъ для ея достиженія, но получивъ обладаніе ею, онъ оставался равнодушенъ къ возможности распространенія и обнародованія своего пріобрѣтенія. Въ частной бесѣдѣ съ друзьями и учениками онъ съ жаромъ развивалъ свои гипотезы, отстаивалъ добытый результатъ, но подвергать его общему сужденію, выступать съ нимъ печатно — Фортунатовъ не чувствовалъ ни потребности, ни охоты. Его независимый характеръ не терпѣлъ ни насилія, ни принужденія; трудно было уговорить его сдѣлать надъ собою насиліе и дать сообщеніе, написать статью для печати.

Въ началѣ своей научной дѣятельности Фортунатовъ спеціализировался сначала на изученіи санскрита, при чемъ работалъ въ Германіи подъ руководствомъ Рота и Вебера и посвятилъ не мало труда изслѣдованію санскритскихъ рукописей Британскаго Музея въ Лондонѣ. Затѣмъ Фортунатовъ сосредоточился на изученіи литовскаго языка. Однимъ изъ первыхъ печатныхъ его трудовъ былъ составленный имъ вмѣстѣ съ В. Ѳ. Миллеромъ сборникъ литовскихъ пѣсенъ, записанныхъ обоими тогда начинающими языковѣдами въ Сувалкской губерніи. Литовскій языкъ изученъ Фортунатовымъ во всемъ его объемѣ; онъ былъ отлично знакомъ съ литовскою діалектологіей и съ немногими, впрочемъ, историческими памятниками этого языка; для уясненія пралитовскаго языка Фортунатовъ естественно перешелъ къ занятіямъ языками латышскимъ и древнепрусскимъ. Курсъ литовскаго языка, читавшійся имъ въ университетѣ, насколько я знаю, сохранился въ записяхъ его слушателей 1886—1887 года, а также въ записяхъ позднѣйшихъ; начальныя главы этого курса были сообщены въ 1897 году В. К. Поржезинскимъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ подъ заглавіемъ «Изъ лекцій проф. Филиппа Ѳедоровича Фортунатова по фонетикѣ литовскаго языка». Много труда положилъ Фортунатовъ на редактированіе I выпуска Словаря Литовскаго языка А. Юшкевича; онъ снабдилъ его обширнымъ предисловіемъ, гдѣ съ исчерпывающею полнотой разъяснены всѣ трудности, которыя приходилось преодолѣвать ему, всегда такъ добросовѣстно редактировавшему чужія работы. Много пришлось поработать Фортунатову надъ редактированіемъ академическихъ изданій въ послѣдніе годы своей жизни. Упомяну о неоконченномъ еще изданіи древнелитовскаго текста Постиллы Даукши, приготовленномъ къ печати Э. А. Вольтеромъ.

Но особенно напряженно потрудился онъ надъ редактированіемъ серіи старославянскихъ памятниковъ, издающейся Отдѣленіемъ русскаго языка

и словесности. Благодаря строгимъ требованіямъ, поставленнымъ Фортунатовымъ, какъ редакторомъ, вышедшіе въ свѣтъ выпуски обладаютъ значительными достоинствами въ смыслѣ точности передачи текста и снабженія ихъ достаточнымъ критическимъ аппаратомъ. Къ сожалѣнію ему не пришлось довести до конца изданіе С. Н. Северьянова Синайской псалтыри. Старославянскіе памятники представляли для Фортунатова особенный интересъ. Ихъ языкъ интересовалъ его не только какъ лингвиста и не только въ отношеніи его къ языку праславянскому, одному изъ членовъ индо-европейской семьи языковъ,— онъ изучалъ старославянскіе памятники и филологически, какъ это видно особенно изъ его статьи, посвященной составу Остромирова евангелія. Въ послѣднее время Фортунатовъ напряженно занимался даже графикой памятниковъ: его захватилъ вопросъ о взаимномъ отношеніи обоихъ видовъ древнеболгарскаго письма, кириллицы и глаголицы; изслѣдуя происхожденіе глаголицы, онъ еще въ концѣ девяностыхъ годовъ напалъ на мысль о зависимости ея отъ коптскаго алфавита; много остроумія и учености проявилъ онъ въ опредѣленіи того, который изъ обоихъ алфавитовъ, глаголическій или кирилловскій, старше другого; послѣ долгихъ и мучительныхъ колебаній онъ утвердился въ мысли о старшинствѣ глаголицы. Изслѣдованіе Фортунатова, если бы оно было обнародовано, составило бы несомнѣнно объемистый трудъ; но, какъ кажется, оно осталось ненаписаннымъ. Мы счастливы хоть тѣмъ, что нѣсколько страницъ изъ этого предполагавшагося къ изданію его труда нашли себѣ мѣсто въ Отчетѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1913 годъ.

Балтійскіе и славянскіе языки стали центральными въ работахъ Фортунатова, начиная съ восмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Возстановленію общеславянскаго праязыка посвящены были не только извѣстные отдѣлы курса по старославянскому языку, но также нѣсколько весьма цѣнныхъ печатныхъ работъ, изъ которыхъ отмѣчу его рецензію на этимологическій словарь славянскихъ языковъ Миклошича, его статью объ окончаніи -тъ въ 3 л. въ старославянскомъ языкѣ, и нѣкоторыя другія. Впрочемъ, имя Фортунатова останется незабвеннымъ въ исторіи разработки фонетики вообще всѣхъ индоевропейскихъ языковъ. Въ печатныхъ трудахъ своихъ онъ касался спеціально явленій древнеиндійскаго, греческаго, иранскихъ языковъ. Какъ видно изъ дополненій, напечатанныхъ В. Ѳ. Миллеромъ къ своему изслѣдованію объ Осетинскомъ языкѣ, Фортунатову принадлежитъ рядъ цѣнныхъ дополненій и поправокъ къ этому труду. Со временемъ, когда увидятъ свѣтъ лекціи Фортунатова, русская наука будетъ гордиться его научными открытіями. Но нѣкоторыя изъ нихъ стали уже

давно общимъ достояніемъ; нѣмецкіе лингвистическіе журналы, французскіе и нѣмецкіе научные руководства и компендіумы полны ссылокъ на его немногочисленные труды. Особенно значительны открытія Фортунатова въ сложной и темной области ударенія и просодіи индоевропейскихъ языковъ. Балтійскіе языки, съ одной стороны, славянскіе, съ другой, представляютъ, сравнительно со всѣми остальными языками индоевропейской семьи, наиболѣе цѣнныя указанія на количественныя и акцентныя отношенія въ индоевропейскомъ праязыкѣ. Сопоставленіе названныхъ языковъ привели Фортунатова къ замѣчательному открытію, сдѣланному почти одновременно съ нимъ французскимъ лингвистомъ Де-Соссюромъ, о томъ, что въ индоевропейскомъ праязыкѣ существовало два вида долготы въ гласныхъ и дифтонгическихъ сочетаніяхъ; указаніе на оба вида долготы извлекается и изъ нѣкоторыхъ явленій греческаго ударенія, а также изъ ведійской фонетики. Теперь ученіе Фортунатова и Де-Соссюра кладется въ основаніе всѣхъ послѣдующихъ работъ современныхъ лингвистовъ; но приходится глубоко пожалѣть, что Фортунатовъ не изложилъ своего ученія во всей полнотѣ; это устранило бы рядъ ошибокъ и колебаній, которыя обнаруживаются въ указанныхъ работахъ. Въ 1911 году Фортунатовъ работалъ надъ обширной статьей, посвященной литовскому ударенію; вѣроятно, въ ней онъ предполагалъ широко развить тѣ выводы, къ которымъ пришелъ, пересматривая свои основныя положенія. Но и эта статья не увидѣла свѣтъ; впрочемъ, нѣсколько страницъ изъ нея помѣщены въ Отчетѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1911 годъ.

Фортунатовъ получилъ основательное философское образованіе. Одно время онъ спеціально занимался философіей, слѣдилъ за философскими журналами, а въ особенности за успѣхами философской мысли въ Англіи. Самостоятельно изучивъ психологическія проблемы и постоянно возвращаясь къ вопросамъ, связаннымъ съ теоріей познанія, съ отношеніемъ мышленія къ внѣшнему міру, Фортунатовъ во всеоружіи знанія брался за разрѣшеніе вопросовъ объ отношеніи языка къ мышленію, а также, какъ уже указано, за изслѣдованіе семасіологіи и синтаксиса. Печатныхъ работъ и въ этой области онъ оставилъ немного. Цѣнна его небольшая статья о залогахъ русскаго глагола, весьма содержательна прочитанная имъ на съѣздѣ преподавателей русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ (1903 г.) лекція о преподаваніи грамматики русскаго языка въ средней школѣ; но въ особенности важенъ его обширный разборъ капитальнаго труда его ученика, покойнаго профессора Г. К. Ульянова «Значеніе глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ». По синтаксису Фортунатовъ оставилъ по

себѣ напечатанный еще въ 1884 году разборъ труда А. В. Попова о синтаксисѣ падежей, въ частности падежа винительнаго. Съ нетерпѣніемъ ждали мы окончанія работы Фортунатова, посвященной безличнымъ предложеніямъ; онъ занимался ею въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни; къ сожалѣнію, статья эта нашлась лишь въ небольшомъ черновомъ наброскѣ. Отъ такого ученаго, какъ Фортунатовъ, русская наука была бы въ правѣ ожидать полной системы русскаго синтаксиса. Синтактическія явленія были строго продуманы Фортунатовымъ: это видно изъ нѣкоторыхъ отдѣловъ его общаго курса языковѣдѣнія, также изъ отдѣльныхъ печатныхъ замѣтокъ, но особенно ясно это обнаруживалось изъ его устныхъ бесѣдъ. Какъ не признать трагичною смерть ученаго академика, еще бодраго и сильнаго, только что разлученнаго отъ насъ неумолимымъ рокомъ! Погасъ источникъ, которому надлежало бы разгорѣться яркимъ свѣтомъ, для того чтобы привести, наконецъ, въ соотвѣтствіе то, что онъ далъ, съ тѣмъ, что онъ могъ дать русской наукѣ.

Но одна сторона научной дѣятельности можетъ быть признана исчерпанною долголѣтнимъ напряженіемъ и творческими усиліями Фортунатова. Это дѣятельность преподавательская. Фортунатовъ осуществлялъ ее не только въ университетской аудиторіи, но и у себя, въ кружкѣ собиравшихся вокругъ него молодыхъ языковѣдовъ. Рѣдкій выпускъ московскаго университета не заключалъ въ себѣ одного или двухъ кандидатовъ, работавшихъ подъ руководствомъ Фортунатова; кружокъ учениковъ его постоянно пополнялся и извнѣ; въ Москву со спеціальною цѣлью учиться у Фортунатова пріѣзжали изъ другихъ центровъ, не только русскихъ, но и заграничныхъ. Изъ иностранцевъ, ставшихъ учениками Фортунатова и этимъ гордящихся, назову безвременно погибшаго талантливаго Сольмсена, профессора Бонскаго университета, Поля Бойе, директора École des langues orientales vivantes, упомянутаго выше Эр. Бернекера, Олафа Брока, тонкаго изслѣдователя живыхъ славянскихъ нарѣчій, теперь профессора въ Христіаніи, Т. Торбіернсона, профессора въ Упсалѣ, Ал. Белича, профессора и академика въ Бѣлградѣ. Охотно отдавая свое время и свои силы занятіямъ съ учениками, Фортунатовъ, казалось, не прилагалъ никакихъ особенныхъ усилій для ихъ руководительства: въ аудиторіяхъ онъ въ самой непритязательной формѣ предлагалъ имъ свои чтенія, а у себя, въ своемъ кабинетѣ, велъ съ ними непринужденную бесѣду на всякія темы, въ томъ числѣ и на темы научныя. Со вниманіемъ выслушивая обращенные къ нему вопросы и сомнѣнія, онъ разрѣшалъ ихъ со своей точки зрѣнія, всегда оригинальной и самостоятельной, но предоставлялъ при этомъ полную свободу

своему юному собесѣднику, не стараясь его убѣждать, не пытаясь также учить его или переучивать. За всѣмъ этимъ обнаруживались такая умственная сила и научная мощь, что эти устныя бесѣды имѣли для собесѣдниковъ Фортунатова неотразимое значеніе; изъ собесѣдниковъ они становились его учениками, научаясь отъ него прежде всего тому, что отъ нихъ требуется самостоятельная работа и—не только усвоеніе знаній, но и критическое отношеніе къ источникамъ знаній; ссылки на авторитеты, на доказанныя ими положенія, на утвердившіяся въ наукѣ мнѣнія оказывались безсильными аргументами въ спорѣ со стойкимъ и самобытнымъ учителемъ. Большое впечатлѣніе производило и то, что Фортунатовымъ никогда не выдвигалась собственная личность, онъ не ссылался на свои труды и на продѣланныя имъ работы; чуждый пустого самолюбія, онъ былъ готовъ всегда переучиваться самъ; и учитель и ученикъ становились сразу, лицомъ къ лицу съ интересовавшими ихъ научными явленіями; отрѣшившись отъ всѣхъ предвзятыхъ точекъ зрѣнія, приступали они къ общей работѣ, къ совмѣстному изслѣдованію. Ученикъ подчинялся при этомъ не учителю, а очевидности данныхъ, привлеченныхъ ими обоими къ освѣщенію явленія. Такъ создавалась та русская школа лингвистовъ, которую называютъ Фортунатовскою. Въ ней нѣтъ ничего специфическаго ни въ смыслѣ пріемовъ, ни въ смыслѣ отправныхъ точекъ изслѣдованія. Если учитель сумѣлъ передать своей школѣ что-нибудь для нея характеристичное и обязательное, то это начало можно опредѣлить только, какъ требованіе добросовѣстнаго изученія явленій живого и письменнаго языка.

Большая умственная сила въ натурахъ цѣльныхъ и здоровыхъ сочетается обыкновенно съ силой нравственной. Фортунатовъ могъ служить наглядным примѣромъ такого сочетанія. Основныя черты его нравственнаго облика — правдивость и доброта — отпечатывались на всей его дѣятельности и на всѣхъ его отношеніяхъ. Условность, лицемѣріе, фальшь были глубоко противны его честной натурѣ. Его индивидуалистическое міровоззрѣніе настолько было проникнуто началами справедливости и гуманности, что становилось въ полномъ соотвѣтствіи съ высшими проявленіями общественности.

Ученики Фортунатова благодарны судьбѣ, сдѣлавшей его членомъ русской Академіи Наукъ. Они были убѣждены при жизни Фортунатова, увѣрены въ этомъ и теперь, что Академія осуществитъ ихъ давнія мечты, мечты, разбивавшіяся объ упорство учителя, и доставитъ русской наукѣ возможность воспользоваться твореніями великаго ученаго во всемъ ихъ широкомъ, по внутреннему ихъ содержанію, объемѣ и во всей сохранившейся ихъ полнотѣ.

Списокъ печатныхъ трудовъ покойнаго ординарнаго академика Ф. Ѳ. Фортунатова.

1. Литовскія народныя пѣсни, собранныя Ф. Фортунатовымъ и Всев. Миллеромъ (текстъ и переводъ) — Моск. Унив. Изв. 1872 г., № 1, стр. 125—165, № 2—3, стр. 427—531.

2. Извлеченія изъ отчетовъ кандидата историко-филологическаго факультета Филиппа Фортунатова за 1872 и 1873 годы — Отчетъ Имп. Моск. Унив. за 1874 годъ.

3 Miscellanea (замѣтки по древнелитовскому языку) — Beitr. zur vergleich. Sprachforschung.... herausgeg. von Kuhn und Schleicher 1874. B. VIII, S. 111—118.

4. Sāmaveda-āraṇyaka-saṃhitā. — Въ приложеніи: Нѣсколько страницъ изъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, М. 1875. 180 + 67 стр.

5. Lituanica — BeitrB. 1879, B. III, 1, S. 54—73.

6. Рецензіи на Archiv fur slavische Philologie, B. III, 1, на Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. I, 1 и на статью Брюкнера о новообразованіяхъ въ литовскомъ языкѣ (Arch. f. sl. Phil. B. III, 2) — Критич. Обозр. 1879 г, № 6, стр. 32—36, № 7, стр. 33—35, и № 19, стр. 34—37.

7. Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen — Arch. f. sl. Phil. 1880, B. IV, 4, S. 575—589.

8. L + Dental im Altindischen — BeitrB. 1881, B. VI, 3, S. 215—220.

9. Замѣтка Armen. $ǰ$ = sj — ibid., B. 7, 1, S. 88.

10. Рецензія на книгу Бецценбергера: Litauische Forschungen — Gotting. gelehrte Anzeigen 1883, Stuck 72, S. 1313—1320.

11. Разборъ сочиненія А. В. Попова: Синтаксическія изслѣдованія, I — Отч. XXVI нагр. гр. Уварова, ЗапИАН., т. XLIX, 1884, 35 стр.

12. Phonetische Bemerkungen, veranlasst durch Miklosich's Etymologisches Worterbuch der slavischen Sprachen — Arch. f. sl. Phil. 1888, B. XI, 4, S. 561—575 и B. XII, 1—2, S. 95—103.

13. Рецензія Ф. Фортунатова и Всев. Миллера на книгу А. Томсона: Историч. Грамматика современнаго армянскаго языка города Тифлиса — ЭОбозр. 1891 г., № 4, стр. 224—234.

14. Объ удареніи и долготѣ въ балтійскихъ языкахъ, I—РФВ. 1895, т. XXXIII, 1—2, стр. 252—297 (переведено Ф. Сольмсеномъ — BeitrB., B. XXII, 3—4, S. 153—188).

15. Индоевропейскія плавныя согласныя въ древнеиндійск. языкѣ — Сб. статей въ честь Ѳ. Е. Корша (*Χαριστήρια*), М. 1896, стр. 457—490 (переведено Ф. Сольмсеномъ — Z. f. vergleich. Sprachforsch. indo-germ. Spr., B. XXXVI, 1, S. 1—37).

16. Рецензія на книгу Я. Лаутенбаха: Очерки изъ исторіи литовско-латышскаго народнаго творчества — Austrums, латышск. журн., 1896, № 12, стр. 939—941 (въ бумагахъ Ф. Ѳ. Фортунатова сохранился и русскій рукописный подлинникъ этой рецензіи).

17. Разборъ сочиненія Г. Ульянова: Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянск. языкѣ — Отч. XXX Ломоносов. прем. Сб. II ОИАН, т. LXIV, № 11, II + 158 стр., С.-Пб. 1897.

18. Предисловіе къ первому выпуску Литовскаго словаря А. Юшкевича, С.-Пб. 1897, XXVII стр.

19. Изъ лекцій Ф. Ѳ. Фортунатова по фонетикѣ литовскаго языка, записанныхъ В. К. Поржезинскимъ — РФВ. 1897 г., т. XXXVIII, 3—4, стр. 210—230.

20. Über die schwache Stufe der uridg. «ă»-Vocale, — Z. f. vergleich. Sprachforsch. indo-germ. Spr, 1898, B. XXXVI, 1, S. 38—54.

21. Докладъ ордин. проф. Ф. Ѳ. Фортунатова о преподаваніи грамматики русскаго языка въ низшихъ и старшихъ классахъ общеобразовательной школы — Совѣщанія по вопросу о средней школѣ. Москва. 1899. Вып. 5. Приложенія, стр. 65—68.

22. Отзывъ о сочиненіи В. Н. Щепкина: Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги — Отч. прем. гр. Д. А. Толстого въ 1900 году, Сб. II ОИАН., т. LXIX, стр. 102—105.

23. О залогахъ русскаго глагола. Изв. II ОИАН. 1903 г., т. IV, 4, стр. 1153—1158.

24. О преподаваніи грамматики русск. языка въ средней школѣ — Тр. перваго съѣзда преподавателей русск. языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, прилож. II, стр. 371—404. С.-Пб. 1904 (перепечатано — РФВ. 1905 г., т. LIII, 2, педаг. отд. стр. 49—79).

25. Составъ Остромирова евангелія — Сб. статей въ честь В. И. Ламанскаго, С.-Пб. 1908, стр. 1416—1479.

26. Старослав. -тъ въ 3-мъ лицѣ глаголовъ — Изв. ПОИАН. 1908 г., т. XIII, 4, стр. 1—44.

27. Предисловіе редактора къ Русско-Корельскому словарю М. Георгіевскаго, С.-Пб. 1908, стр. 7—15.

28. Рец. на книгу А. Лескина: Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache — D. Literaturzeit., 1910, № 12, S. 737—741.

29. Краткія сообщенія о нѣкоторыхъ выводахъ по опредѣленію значеній славянскаго совершеннаго вида глаголовъ и по изслѣдованію исторіи литовскаго ударенія — Отч. II ОИАН. 1910 г., стр. 15—19 и 1911 г, стр. 7—11.

30. О происхожденіи глаголицы — Отч. II ОИАН. 1913 г., прилож. II, стр. 1—36 (перепечатано — Изв. II ОИАН. 1913 г., т. XVIII, 4, стр. 221—256).

31. Лекціи по фонетикѣ старославянскаго языка (было напечатано 16 листовъ въ Изв. М. Унив. въ 1888—1893 гг.; ссылки на эти листы встрѣчаются въ лингвистической литературѣ, хотя лекціи не были окончены авторомъ въ печати и поэтому не вышли въ свѣтъ).

Подъ редакціей Ф-ва издавались Отдѣленіемъ Русскаго языка и словесности Памятники старославянскаго языка и древнелитовскій текстъ, перепечатываемый Э. А. Вольтеромъ подъ заглавіемъ: Postilla Catholicka Я. Вуйка въ литовскомъ переводѣ Н. Даукши.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1914 года. За Непремѣннаго Секретаря академикъ *В. Вернадскій.*

25/IV